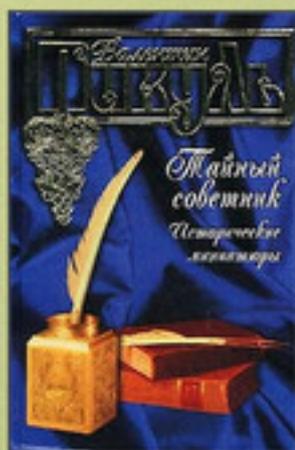


Валентин Пикуль

Синусоида жизни человеческой



Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*



Тайный советник

Валентин Пикуль

Синусоида жизни человеческой

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Синусоида жизни человеческой / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«...Еще никто не пытался объяснить, почему русская сцена – оперная и драматическая – из года в год пополняла когорту Аркашек и Несчастливцевых за счет блистательного корпуса российского офицерства. В самом деле, что толкало этих поручиков армии и лейтенантов флота к тому, чтобы, скинув позлащенное бремя мундиров, облачиться в рубище безвестного актеришки, ездить из города в город, терпеть нужду и отчаяние, заведомо зная, что иллюзия славы призрачна, а пенсии под старость все равно ни от кого не доплачешься...»

Валентин Пикуль

Синусоида жизни человеческой

Дмитрий Захарович Головачев, командир флотского Гвардейского Экипажа, устраивал в своем доме любительские концерты, в 1876 году организовал первую постановку оперы «Сын мандарина». Автор оперы, еще молодой офицер-фортификатор Цезарь Антонович Кюи, был, конечно же, благодарен адмиралу. Партию Зайсанка исполнял никому не известный юноша, и Мальвина Рафаиловна Кюи, жена композитора, ученица Даргомыжского, шепнула:

– Интересно, в каких трюмах адмирал обнаружил такой дивный баритон? Голос достоин всяческого одобрения...

В антракте Головачев подвел к супругам Кюи юного певца:

– Мичман Николай Владимирович Унковский... Только что получил эполеты и скоро уходит в первое плавание.

Мальвина Кюи похвалила исполнение Унковского:

– Господин мичман, кто был вашим учителем?

– Иногда, мадам, я забегал по вечерам на уроки в классы пения Андрея Иваныча Евгеньева. Но у нас в Морском Корпусе есть гардемарин Коля Фигнер... Он поет лучше меня!

Мальвина Кюи предупредила, что знобящие ветры океанов могут губительно сказаться на голосовых связках, а в опере Унковский мог бы стать замечательным певцом. Но тут адмирал Головачев поцеловал руку мадам Кюи, вмешавшись:

– Не раскидывайте пленительные силки перед этим прекрасным кенаром. Прежде ему надо послужить отечеству на морях...

Да, надо! Унковский вышел из дворян, среди его родни были адмиралы и сенаторы, дипломаты и видные чиновники. Он родился на древней Калужской земле после Крымской войны, когда над Россией повеяло оттепелью либеральных реформ.

Голос предков увлекал его в дальние моря...

Наследник богатого состояния, Николай Владимирович вскоре выручил деньгами капитана 2-го ранга Николая Михайловича Баранова, героя русско-турецкой войны, который, украсив себя аксельбантом, уже успел побывать под судом.

– Чего ты грустный? – спросил Баранов. – Или ты заранее знаешь, что долг я тебе никогда не верну?..

Унковский поделился сомнениями: тульские любители музыки хотят своими силами поставить «Фауста», приглашая его на роль Мефистофеля, но отъезд в Тулу может вызвать неизбежный конфликт с флотским начальством.

– Привыкай делать только то, что тебе хочется, и тогда станешь популярен, как я, – посоветовал Баранов.

Тула наградила Унковского громадным лавровым венком, а командование флота испортило его послушной формуляр отметкой о «недостойном поведении»... Мичману было сказано:

– Вас учили столько лет на казенный счет совсем не для того, чтобы вы своими ариями дурили головы барышням из провинции. Делайте выбор: флот или опера?

Это случилось в 1879 году, когда Николай Владимирович, не порывая со службой, уже начал учиться в Петербургской консерватории на правах вольнослушателя. Головачев, случайно встретив Унковского в Фонарном переулке, был удивлен, что мичман, нагруженный связками оперных клавиров, тащил еще и том «Отечественных записок».

– У вас есть время еще и для чтения?

Унковский объяснил адмиралу, что в журнале помещено изложение философии Джиабаттисты Вико, который покорил его теорией о том, что все человечество вовлечено в извечный круговорот одних и тех же явлений: то духовного упадка, то небывалого взлета.

– Из этого я сделал и для себя вывод, господин адмирал. Мне представляется, что жизнь человека подобна геометрической синусоиде: вверх-вниз, за взлетом следует неизбежное падение.

Головачеву совсем не понравилась эта теория.

– Какая ж тут философия? Это, милый, больше похоже на обычную корабельную качку, когда травить хочется...

Профессор пения Камило Эверарди был доволен голосом Унковского, но его супруга Жоржетта отлучила от консерватории другого мичмана – Николая Николаевича Фигнера.

– Да, – подтвердил мнение жены Эверарди, – у вашего приятеля нет вокальных данных, какие я обнаружил у вас... Скажите ему сами, как офицер офицеру, что его жиденького, слабого тенора не хватит даже для ругани с матросами!

Не странно ли, что два мичмана, одногодки и однокашники, почти одновременно покинули флотскую службу в чинах лейтенантских? Оба они одновременно совершили крупный дисциплинарный проступок: Унковский самовольно сыграл Мефистофеля, а Фигнер без дозволения начальства женился на какой-то итальянке без роду-племени.

– Куда ж ты теперь, Коля? – спросил Унковский.

– Я... в Италию, – подавленно отвечал Фигнер. – Если не повезло с голосом в Петербурге, может, его иначе оценят в Мекке певцов всего мира – в Милане... Еду!

Их судьбы разошлись. Николай Владимирович, выйдя в отставку, женился. Спутницей его жизни стала Александра Васильевна Захарына, ученица Леопольда Ауэра. В приданое она принесла мужу старинную скрипку работы знаменитого Амати.

Начиналась жизнь скитальца, бродячего артиста.

Еще никто не пытался объяснить, почему русская сцена – оперная и драматическая – из года в год пополняла когорту Аркашек и Несчастливцевых за счет блистательного корпуса российского офицерства. В самом деле, что толкало этих поручиков армии и лейтенантов флота к тому, чтобы, скинув позлащенное бремя мундиров, облачиться в рубище безвестного актеришки, ездить из города в город, терпеть нужду и отчаяние, заведомо зная, что иллюзия славы призрачна, а пенсии под старость все равно ни от кого не доплачешься.

– Актерский рубль – копейка! – говорили они.

Время было для актеров безрадостным. В театрах столицы не начинали премьер, пока не появится семья императора, а театры провинции не смели поднять занавес, пока губернатор не займет своей ложи. Был, правда, один случай в Казани, когда режиссер осмелился не ждать опоздавшего губернатора. Но это ему дорого обошлось. Губернатор Скарятин вызвал режиссера в ложу и выбил ему два передних зуба:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.